

РЕЦЕНЗИИ

С.Н. ЦЕЙТЛИН. ОЧЕРКИ ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ И ФОРМООБРАЗОВАНИЮ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

М.: ЗНАК, 2009. 592 с.

Вышедшая в серии “*Studia philologica*” монография С.Н. Цейтлин отличается богатством содержания и без преувеличения является, на наш взгляд, важным событием не только в развитии онтолингвистики, но и в общетеоретическом отношении.

Книга посвящена обобщающему рассмотрению детских инноваций-окказионализмов в области формообразования и морфемного словообразования типа *горохи*, *ножница* (одни ножницы), *нету ветра*, *ухи* (уши), *машинов*, *вилком ем* (вилкой), *высокей* (выше), *заморозивать*, *кладит* (кладёт), *давает* (даёт), *слонёнки* (слонята); *я такая забыва* (от “забывать”), *починщик* (от “починить”) и т.д.

В обыденной жизни эти образования воспринимаются окружающими лишь как трогательно-смешные “ошибки”, обусловленные лингвистической незрелостью ребенка. Вырванные из огромного массива данных, которыми располагал автор книги, они и оставляют впечатление явления частного. Однако именно подобные образования, ошибочные с точки зрения **норм** языка, демонстрируют, что ребенок усвоил семантическую роль **компонентов языковой системы**, из которых он способен самостоятельно **конструировать** словоформу или слово. Соответствующие узуальные образования могут просто имитировать речь окружающих и потому, в отличие от окказионализмов, сами по себе не свидетельствуют ни о понимании грамматической членимости слова или словоформы, ни о способности “распоряжаться” элементами этой членимости.

Как показывает С.Н. Цейтлин, значимость “отрицательного языкового материала”, масштабно рассматриваемого в ее работе, отмечалась и отмечается классиками русской лингвистики и современными отечественными и зарубежными учеными, и все же едва ли не до сих пор остается актуальным цитируемое на с. 41 высказывание академика Л.В. Щербы: “Роль этого материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании”.

Соответственно, теоретическая значимость изучения детских инноваций **в плане собственно онтогенетических проблем** определяется тем, что они (инновации) – это своеобразная “лингвистическая дверь” в лабораторию познавательной мыслительной деятельности ребенка в процессе освоения языка. Отсюда – **общенаучная когнитивная ценность** такого изучения.

С другой стороны, обращение к детским инновациям весьма интересно **в общелингвистическом плане**. Материалы исследования С.Н. Цейтлин вполне подтверждают воспроизводимое на с. 56 положение А.М. Шахнаровича: “... Исследования детской речи могут существенно расширить наши представления не только об овладении языком, но и о самом языке...”.

Рецензируемая книга (демонстрирующая значимость обоих аспектов!) является результатом многолетней научной деятельности автора. В области онтолингвистики С.Н. Цейтлин является ведущим специалистом: она заведует кафедрой детской речи в РГПУ им. А.И. Герцена, руководит постоянно действующим семинаром, который объединяет отечественных онтолингвистов и имеет постоянные связи со специалистами зарубежными. База, на которой строится издание, очень широка. Достаточно сказать о самых масштабных предшествующих работах С.Н. Цейтлин. Это и ее монография “Язык и ребенок: лингвистика детской речи” (М., 2000), и “Словарь детских словообразовательных инноваций” (München, 2001; СПб., 2006), и почти пятидесятилетняя картотека фонда данных детской речи РГПУ им. А.И. Герцена, который основан на ее материалах и продолжает пополняться под ее руководством.

Основную часть издания составляет монография (с. 9–427), включающая значительный по объему вводный раздел (с. 9–39; в том числе собственно Введение – Ребенок как конструктор собственной грамматической системы – с. 15–39) и три основных раздела: I. Детские речевые инновации как предмет лингвистического

изучения (с. 41–91); II. Освоение грамматики (с. 93–290); III. Словообразование в детской речи (с. 291–427).

Теоретическое рассмотрение детского словообразования дополняется обширным “Словарем детских словообразовательных инноваций” (с. 441–543). Автор характеризует его как фрагмент одноименного Словаря, изданного, как уже упоминалось, сначала в Германии (2001), потом в С.-Петербурге (2006).

Самостоятельную ценность имеет совокупность справочных материалов в составе Приложений (все указатели составлены С.А. Крыловым). После списка литературы (с. 544–558) здесь следует именной указатель (с. 559–561), эксплицирующий состав ссылок на авторов, и три терминологических указателя (с. 562–576, 576–577, 577–581). Объем и характер анализируемых фактов интересно суммирован в двух инверсионных (“обратных”) указателях – указателе словоформ (с. 585–592) и в указателе словообразовательных инноваций (с. 581–584). Первый соотношен с содержанием монографической части книги, второй – только со Словарем.

Несмотря на то, что инверсионные указатели помещены в конце книги, мы, забегаая вперед, сразу укажем на их значимость. Суммируя рассмотренные словоформы и производные слова по их “концовкам”, указатели дают возможность дополнительно осмыслить и объем охваченных фактов (в указателе словоформ более 2000 единиц!), и уровень речевой активности в детских инновациях разных аффиксальных элементов.

Трудно охватить анализом обширное содержание собственно монографической части книги. Но сразу укажем на то, что, несмотря на (якобы!) жанр очерков, она отнюдь не оставляет впечатления какой-либо “лоскутности”, которой опасается С.Н. Цейтлин, раскрывая условия своей работы над изданием в зачине книги “Моему читателю”.

Нам представляется ценной как раз цельность той общей картины, которая складывается благодаря последовательности категориального рассмотрения многообразных проявлений детского отображения особенностей собственно морфологической и словообразовательной систем русского языка.

Цельность эта определяется прежде всего единством тех общих тенденций, которые раскрываются автором на материале самых различных категорий. Сразу подчеркнем, что инновации в системах формообразования и морфемного

словообразования обнаруживают существенное сходство. В чем это проявляется?

1. Детские инновации постоянно свидетельствует о том, что ребенком усвоены основные, прототипические значения соответствующих категорий и “также основные, наиболее системные средства, относящиеся к выражению плана содержания” (с. 289).
2. Многократно формулируется в монографии и подтверждается анализом многообразных фактов положение о приоритетности семантических факторов в освоении грамматических категорий: **“... если в составе категории семантические функции совмещаются со структурными, то семантические функции той или иной граммеы начинают осваиваться раньше, чем структурные”** (с. 281 – выделено автором). Ср. на с. 318 (применительно к словообразованию): “... дети усваивают общие словообразовательные значения раньше, чем частные”.
3. Почти все детские окказиональные образования, противореча общезыковым нормам, остаются, как уже говорилось, в рамках системных возможностей русского языка – “маленькое чудо русской речи”, по выражению известного исследователя детской речи Д. Слобина (см.: Словарь детских словообразовательных инноваций. 2-е издание / Автор-составитель С.Н. Цейтлин. СПб., 2006. с. 2). Ср. на с. 65 высказывание Э. Косериу, провозгласившего важность противопоставления системы и нормы на уровне основных идей общего языкознания: “С точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы <...>. Прежде чем узнать традиционные реализации для каждого частного случая, ребенок усваивает “систему возможностей”.
4. Усвоив основные, прототипические средства выражения определенной категории, к которым в изучаемой сфере С.Н. Цейтлин решительно относит только **аффиксы**, ребенок часто “игнорирует” участвующие в формообразовании и словообразовании средства частные:
 - а) внутриморфемные чередования звуков – собственно исторические и имеющие синхронную морфонологическую обусловленность;
 - б) различительную роль подвижного ударения;

- в) использование семантически не мотивированных формантов;
- г) супплетивизм форм.

Представляется, что в этом последнем – 4-м пункте концентрируются конкретные проявления остальных указанных тенденций. Соответственно, неизбежно схематизируя богатство авторских наблюдений, мы начнем рассмотрение именно с положения об “устранении” в детских инновациях частных нормативных средств конструирования субстантивных словоформ – средств периферийных с точки зрения грамматической системы русского языка.

Практически все типы устранения таких средств представлены в окказиональных формах **категории числа** существительных – категории, наиболее прозрачно семантически мотивированной и усваиваемой раньше всех других субстантивных грамматических категорий.

Здесь автором фиксируются, например: случаи устранения редкого для данной категории чередования согласных *х-ш* (*ухо* – *уши*) с одновременным устранением подвижности ударения: *Ухи выкрашу зайчику; А за ўхами или в ўхах? А где болит у тебя?* И наряду с этим: *Один уш болит* (с. 179); формы без суффиксальной беглости гласного: *дурачоки, наперстоки, кусоки* (с. 178); без корневого беглого: *Пёсов надо жалеть* (с. 177).

Особый интерес представляют факты прототипической **семантизации** существительных pluralia tantum и существительных singularia tantum, лишенных в инпуте оппозиции по числу – всё это факты снятия своеобразных семантических аномалий: – *Купить тебе санки?* – *Нет, купи только одну санку* (с. 86, 136); *У тебя один брюк запачкан* (= “одна штанина, половинка брюк” – с. 157). Ср. несколько иную трансформацию супплетивного образования: *Вот эта детишка только испугалась* (с. 137). С другой стороны: *Капусты в углу лежат; Какие вкусные печенья у вас получаются; Васька в меня малинами кидается* (с. 140–141).

В формальном плане небезынтересен факт использования во множественном числе самого продуктивного для именительного падежа окончания *-ы/-и* вместо *-а*, употребление которого связано со сложными нормативными ограничениями: *Какие у нее (улитки) роги* (с. 177); *Все стулы починили* (В.п. – с. 70); *Поезды гудят; Месты, листья, дома; Мышка в дровы залезла* и т.д. (с. 190). Прослеживается экспансия флексии *-ов/-ев*, занявшей, видимо, место самой инфор-

мативно “прозрачной” граммемы родительного падежа множественного числа. Показательно, что только из речи одной девочки автор приводит 19 примеров типа *рыбов, кулков, козов, буквов, словов, яйцов, ножницев* и т.д. (с. 192–193). Аналогичное явление наблюдается, как известно, в русской диалектной речи.

В гораздо более сложном выражении соотношение системы и нормы проявляется в усвоении **категории рода**. Более чем в половине субстантивных лексем грамматический род семантически не мотивирован. Его грамматическая маркировка, если она связана с характером падежной парадигмы в целом (*конь–коня...*, *кость–кости...*) тоже не всегда отчетлива для ребенка. Это приводит, как показывает С.Н. Цейтлин, к ситуации достаточно парадоксальной. На базе наиболее ясного, прототипического противопоставления нулевого окончания и окончания *-а* в исходных формах мужского и женского рода во “временной” грамматической системе ребенка складывается не трехчленное, а двучленное, бинарное противопоставление родов. Лексемы среднего рода, подобно положению во многих среднерусских и южнорусских говорах, “растворяются” либо в мужском роде (в силу идентичности окончаний косвенных падежей), либо в женском роде (в силу совпадения безударных флексий именительного падежа). Таким образом, формируется “двухродовая система”: с одной стороны: – *А где другая уха?*; *Такая горькую лекарству пить не буду; Какая озера большая; с другой – Ой, какой колесик я нашел; У нас есть еще яичек* (с. 151). Тенденция к однозначности прототипических грамматических оппозиций фиксируется в разнонаправленном устранении супплетивизма, проявляющемся одинаково в категориях числа и рода. Ср.: *Людей в городе совсем не стало. Одна людь только; Хорошие человеки так не делают, А этого людя как зовут?* И тут же сама исправляется: *Человека как зовут?* (3.00.14), у всех *человеков* (3.06.25 – с. 182); *Кто папа у теленка?* – *Коров* (с. 475 – Словарь); *Вот бычица* [=корова] *большая идет* (с. 453 – Словарь); *ребенков кормят молоком* (с. 182) и под.

Весьма интересно, что с опорой на основное формальное противопоставление нулевой флексии в мужском роде и флексии *-а* в женском, дети (очевидно, не без подсказки взрослых) стремятся семантизировать это противопоставление, соотнося его с лексическими различиями рода по полу лиц. На с. 153 приводится эпизод своеобразного диалога-эксперимента Н.А. Менчинской с ее дочерью (5,2): “Называю существительные.

Ляля... определяет их род. Дом – *мальчик*, лампа – *девочка*... Дедушка – *Ну он и есть дедушка*. Шоколад – *мальчик*, шоколадка – *девочка*... Яблоко... Не знает, как отвечать, недовольно говорит: *Ну и есть яблоко*. Рубашка – *девочка*, штаны – *Ну и есть штаны*... День – мальчик или девочка? Пауза, потом: *Я не пойму*.

Как видим, опыт “ложной” семантизации, своеобразного олицетворения, подобного поэтическому олицетворению лексем типа *дуб*, *рябина*, *сосна*¹, оказывается успешным только в случаях, когда этот опыт опирается на прототипические формальные средства выражения мужского и женского рода. Эксперимент с лексемами *яблоко* (средний род), *штаны* (Pl. t.), *день* (мягкий согласный в основе) и *дедушка* успеха не принес. “Получается, – пишет С.Н. Цейтлин в несколько иной связи, – что самыми надежными для определения рода являются именно формальные факторы, которые безотказно действуют как в сфере одушевленных, так и неодушевленных существительных” (с. 144).

Вместе с тем, не только эксперимент, проведенный Н.А. Менчинской, но и другие факты, приводимые в монографии, подтверждают высказанное в книге на с. 150 положение о том, что дети “стремятся найти семантическую мотивированность там, где ее нет”. Показательно в этом плане формирование эквиполентных окказиональных оппозиций в случаях типа: *Я умница, а ты умниц* (с. 156), *черепаха – черепах*, *балерина – балерин*; *обезьяна с обезьяном* (с. 157) и даже зафиксированное К.И. Чуковским: “*Это если у Маруси – царпина, а у меня царп, я мальчик!*” (с. 150).

Большой раздел “**Падеж и словоизменение**” (с. 160–197) прежде всего обнаруживает принципиальные различия в том, насколько относительно быстро, несмотря на абстрактность падежных значений, осваивается правильное семантико-синтаксическое употребление падежей и насколько долго нарушаются в детской речи собственно морфологические нормы оформления падежа.

Так, с одной стороны: “к рубежу второго и третьего года жизни значительная часть детей уже владеет всеми шестью падежными граммемами, используя их в качестве каркаса разнообраз-

ных синтаксисом – в сочетании с предлогами <...> или без предлогов”; “ошибок, заключающихся в выборе падежа, практически не наблюдается” (с. 168). С другой стороны, ошибки в грамматическом оформлении при семантически-правильном употреблении падежей фиксируются не только в этот ранний период, но и по крайней мере до 7-летнего возраста (если суммировать данные рассматриваемого раздела и данные А.Н. Гвоздева (с. 378–398)).

Разрыв этот во многом связан с тем, что правильное употребление падежа является очень коммуникативно значимым, тогда как выбор одной из флексий, маркирующих падеж, оказывается для ребенка, во-первых, как бы семантически безразличным (он никак не мотивируется характером падежного значения), во-вторых, – трудным по причине чисто формальной сложности этого выбора. Ср. примеры типа: *За дверем волк*; *Вон моллюска* *какая большая!* *Удочком* *рыбу ловили*; *Нажимай на педалью*; *Вот этого мячика надо помыть обязательно*. *А то он под моей кроватей* был (с. 184–187) и под.

Кроме того, длительная фиксация неузуального падежного образования связана с уже рассматривавшимися общими тенденциями к устранению элементов, которые осложняют основные особенности прототипической системы словоизменения: снимается подвижность ударения (*во́лков*, *воду́* и др. – с. 177); за счет устранения чередований выравниваются основы (*львёнока*, *дурачки* и под. – с. 178).

Как уже отмечалось, относительно ограниченная в употреблении флексии *-а* в именительном множественного заменяется самой употребительной флексией *-ы/-и* (*до́мы*, *ро́ги*, *ме́сты*, *оде́ялы* – с. 190); наблюдается вытеснение нулевой флексии самым заметным маркером *-ов/-ев* в родительном множественного (*рыбо́в*, *кукло́в*, *зме́ев*, *сло́вов*, *яйцо́в*, *ножнице́в* и т.д. – с. 192); трансформируется наименее продуктивное (особенно в условиях ограниченного лексического состава детской речи) 3-е склонение (*папи́на ладо́ня*; *Выбрось эту дря́ню!* *Суп с вермише́лей* – с. 187) и т.д. Периферийное для 2-го склонения окончание *-у* в предложном падеже замещается основным *-е* (*Сидела на бере́ге*, *В ле́се гуля́ли*, *Папа держа́л во́рте бума́жку* – с. 188–189).

В системе глагола рассматриваемые в монографии семантически интересные окказионализмы относятся скорее к сфере словообразования, а не формообразования. Своеобразное их средоточие фиксируется в подразделе “Детские каузативные оппозиции” (с. 228–233). Ср., во-первых,

¹ Пример такого “олицетворения” приводится на с. 150: “*Кроватка – женищина, а диван – мужчина*” (Женя А., 2.07). Ср. у А.Н. Гвоздева. “Женя сообщает: *Луна – это жена месяцева, а месяц сходит на мужчину*” (5, 9, 21). Оля Г. задает вопросы: *Стол – дядя? Тарелка – тетя?* (4.2) (Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; СПб.; М., 2007, с. 44).

образование общевозвратных глаголов от каузативных переходных: *Дую-дую, а свечка никак не гасится; А вода скоро вскипятится? Дети кричали, и я разбудился* (с. 231); во-вторых, случаи обратного образования переходных глаголов путем депостфиксации глаголов общевозвратных: *Я своих кукол спать улегла; Никак не могу Машеньку проснуть; Антонина Васильевна меня вишнями объела* (с. 232); в третьих, использование в каузативном значении формы, совпадающей с непереходным глаголом: *Кто лопнул мой шарик? Зачем ты мой шарик лопнула?*

В сфере собственно **формообразования** обширный круг детских новообразований связан с тенденцией к выравниванию глагольных основ инфинитива и настоящего времени. Эта тенденция затрагивает, с одной стороны, практически все **непродуктивные глаголы**. Интересны в этом отношении приводимые в разных частях книги диалоги, выявляющие “сиюминутные” проявления такого выравнивания: 1) [Мелют кофе в кофемолке] “*А когда ты помелешь, можно мне мелить?*” – “*Не мелить, а молоть*” – “*А когда ты помолешь, можно мне молоть?*” (с. 83); 2) *Я тебе соку налью, хочешь?*” – “*Налъи*” (с. 254). Ср. также: *Все пейте со мной (=пойте)* – пить; *Воду пию* – пить; *Мы с папой боремся* – бороться; *Можно я карандашик взяю* – взять (с. 251); *подняй; собрай, писай* (с. 252).

С другой стороны, аналогичное выравнивание основ затрагивает и те продуктивные классы, у которых основы инфинитива и настоящего времени существенно различаются по звуковому составу: “*Иди полюбуйся*” – “*Я уже полюбулась*” (с. 251); *рисоваяю* – рисовать; *рисуть* – рисую (с. 253). “*Завернуть тебе книжку?*” – “*Завернуй*” (с. 251).

На фоне случаев выравнивания основ редко отмечаются факты смешения окончаний 1 и 2 спряжения (проявляются только под ударением): *Папа горло полощит; ты куда мячик кладишь? А мою машинку не украдут?*

Характерно, что все подобные инновации относятся к семантически немотивированным, чисто формальным особенностям глагольного формообразования. Семантически значимые различия аффиксов, маркирующих формы лица, прошедшего времени, повелительного наклонения, инфинитива, сохраняются.

Таким образом, характер инноваций во многом проясняет механизмы осмысления и механизмы усвоения грамматических явлений языка.

Минуя отдельное рассмотрение раздела “Словообразование в детской речи”, обратимся к вопросу об общелингвистической ценности книги, в том числе, – ее ценности для типологической характеристики русского грамматикона.

Прежде всего, проявления лингвокреативной активности детей, так полно раскрытые в книге, максимально обнажают значимость глобальных противопоставлений в триаде Э. Косериу “система языка – норма – речь”. Почти все детские инновации обнаруживают, что, не освоив определенных грамматических норм языка, ребенок способен пользоваться возможностями его системы, семантически правильно конструируя слова и словоформы, не закрепленные нормами языка.

Соответственно, совокупность материалов, представленных в книге, – как никакие иные материалы! – позволяет судить о потенциях грамматической системы русского языка в целом; о соотношении этих потенций с особенностями их нормативной реализации; о продуктивности/непродуктивности различных граммем и словообразовательных моделей и т.д.

О масштабах потенциальных возможностей русского грамматикона свидетельствуют, с одной стороны, данные инверсионного указателя новообразований – **словоформ** (с. 585–592), где зафиксировано более 2000 единиц; с другой стороны, – обобщающая оценка автора, связанная с возможностями **словообразования**: “В словообразовании, – пишет С.Н. Цейтлин, – сфера потенциально возможного превышает в сотни (если не в тысячи) раз сферу реализованного, поэтому создается реальная почва для огромного количества инноваций...”; “что же касается словаря созданных детьми слов, то он может оказаться в принципе неисчерпаемым” (с. 302).

Материалы книги дают возможность осмыслить причины разного уровня потенций в реализации системных возможностей в сферах формо- и словообразования.

В обеих сферах степень широты возможностей определяется в собственно лингвистическом плане уровнем вариативности аффиксальных средств и словоизменительных моделей, связанных с выражением определенных собственно морфологических и словообразовательных значений. К собственно языковым причинам разных реализаций системных возможностей относятся также: существование в русском языке различных акцентологических и морфонологических моделей словоизменения и словообразования; отдельные проявления супплетивизма в грамматических оппозициях и т.д.

В словообразовании, кроме того, важнейшую роль играет **когнитивно открытый характер направлений словотворчества**. Детские новообразования обнаруживают возможность а) детализировать и конкретизировать номинации, относящиеся к определенному классу явлений; б) наоборот – конструировать названия более абстрактные, чем существующие; в) создавать наименования взамен неизвестного, неосвоенного или кажущегося семантически немотивированным. См. в разных частях книги высказывания детей, свидетельствующие об **этих путях поиска** номинаций (фактически это универсальные пути пополнения словарного состава языков!): *Сапожник чинит сапоги, а туфли кто? Туфлѣжник?* (с. 321. Ср. в упомянутом выше отдельном издании “Словаря детских словообразовательных инноваций” С.Н. Цейтлин, с. 192: *Ты пойдешь к сапожнику или к туфлѣжнику?*); *В раздевалке раздеваются, а одеваются где?* (с. 321); *Клавдия Макаровна – продукторша. Она продукты покупает* (Ягося; 4 – с. 515); *Ткни включатель, а то темно стало* (с. 321); у двух разных детей: *Ботинки надо отдать починщику* (Лена Б.: 7), *Я буду починщик, буду все починять* (Женя В.; 3 – с. 510); *“Командиром у них была девушка” – “Не командиром, а командиркой”, – поправляет сын* (с. 87); *“Ну ты, папа, и кокет”, – говорит отцу, причесывающемуся у зеркала; У курточки рукав, а у брюк – ногав?* (Владик М.; 4); (Надевает комбинезон): *Никак не пойму, где здесь рукав, а где ногав?* (Лена, 4) (с. 493) и т.д.

Отдельно отметим, что даже “специфически детские” направления словотворчества неизменно обнаруживают (пусть “ложную” с точки зрения “взрослого языка”) семантико-стилистическую мотивированность. Так, в случаях обратного словообразования с десуффиксацией типа *бела* ← *белка*, *була* ← *булка*, *лога* ← *ложка*, *тарела* ← *тарелка* проявляется стремление снять либо ложно воспринимаемую отрицательную коннотацию (ср. *Вера* – *Верка*, *Петя* – *Петька*), либо устранить компонент диминутивной семантики (*рыба* – *рыбка*). Интересны высказывания детей, в которых эксплицируются соответствующие мотивировки. См. в “Словаре...” (с. 493): [Четырехлетняя девочка] – *Ругаться нехорошо, надо говорить не “иголка с ниткой”, а “игола с нитой”*; в отдельном издании “Словаря...” – *Бела ты моя хорошая! Нельзя “белка” говорить* (Игорь И.; 4, с. 15); *Мы сегодня были в саду, там такая бела была! И белки у нее маленькие* (Рома С.; 4, 3 – с. 15). Небезынтересно, что в “Известиях” от 17.03.10 под заголовком «*Сосулька – это, согласитесь, несерьезно. То ли дело “сосуля”*»

сообщается об аналогичном новообразовании, официально (!) используемом петербургскими коммунальщиками, а сопровождающая публикацию эпиграмма “*В лицо вливаются снежины*” демонстрирует возможность пародийного использования подобных образований.

Таким образом, прежде всего раскрытые в книге тенденции и закономерности характеризуют масштаб тех потенций, которыми в русской языковой системе располагает грамматика.

Работа С.Н. Цейтлин подтверждает и теоретическую правомерность широкого использования термина “грамматика” по отношению к совокупности грамматических средств и моделей словоизменения и морфологического словообразования: закономерности и тенденции в обеих этих областях обнаруживают значительную общность. Поэтому нередко наблюдающееся резкое размежевание проблем морфологии, словообразования и морфемики едва ли продуктивно, тем более что морфемный состав лексем в равной мере обращен к особенностям словоизменения и словообразования.

Большую ценность материалы книги представляют для выявления специфики отдельных грамматических категорий и формальных грамматических классов: раннее или позднее усвоение связано, как это многократно подчеркивается в работе, с уровнем семантизированной явления и его местом по отношению к прототипическому центру грамматической категории в ее основных семантических и формальных особенностях.

Многогранность и точность осуществляемого в монографии анализа факторов, определяющих связь между местом грамматических явлений в системе языка и ходом их усвоения детьми, обеспечивает проведенному исследованию теоретическую значимость, выходящую за рамки собственно онтолингвистики. В условиях современного интереса к когнитивному направлению в языкознании обобщающая работа С.Н. Цейтлин демонстрирует, что в решении общелингвистических проблем самой онтолингвистике принадлежит далеко не периферийная роль. Соответственно, данные онтолингвистики могут плодотворно использоваться в языковедческих вузовских курсах, а исследования в этой области заслуживают быть самостоятельной сферой изучения в академических научных учреждениях.

В проведенном обзоре мы смогли затронуть, конечно, не все аспекты рецензируемого издания. Так, вне рассмотрения остался очень интересный подраздел “От первого слова к продуктивной морфологии” (с. 93–124), своеобразно дополняе-

мый в последующих частях монографии, в том числе – при рассмотрении тех коммуникативных функций, которые на “дограмматическом” этапе выполняются “замороженными” формами инфинитива и повелительного наклонения (см.: с. 236–244).

Из числа теоретически небесспорных интерпретаций вызывает размышления используемый в монографии круг понятий “языковая система ребенка” (с. 21), “индивидуальная языковая система” (с. 22–23), “временная языковая система ребенка” (с. 25, 39). Ср. заголовок Введения – “Ребенок как конструктор собственной грамматической системы” (с. 14).

Думается, что использование этих понятий не вполне соответствует общему пафосу работы. Материалы монографии показывают, что в ходе усвоения грамматикона у детей проявляются не индивидуальные, а общие закономерности и тенденции. Главная из этих закономерностей – раннее усвоение прототипических особенностей русской морфологической системы (в широком её понимании). Именно на прототипические особенности ориентированы, как правило, и рассматриваемые в книге детские новообразования. Поэтому считать их функционирование в речи ребенка знаком существования у него собственной грамматической системы не представляется вполне корректным. К кому же в работе многократно констатируется неустойчивость, спонтанность использования детских неологизмов, конкуренция их между собой и с узуальными формами. Правомерно, на наш взгляд, говорить не об индивидуальных языковых системах детей, а о **неполном владении** общей системой языка. Самым существенным из фиксируемых в монографии проявлений “неполноты” является неувоенность грамматических особенностей существительных среднего рода и 3-го склонения. Но и здесь прослеживается определяющее влияние места соответствующих подсистем в общей системе русского языка. Во-первых, оба класса слов слабо маркированы в формальном отношении: знаменательно, что лишь единичные слова имеют среди них ударные окончания (*окно, село; в грязи* и под.), а в среднем роде, как уже говорилось,

флексии косвенных падежей совпадают с мужским. Во-вторых, многочисленность лексем обеих групп в литературном языке – это результат продуктивности образования абстрактных существительных с суффиксами *-ени(е), -ство; -ость*. А поскольку соответствующая лексика имеет обычно книжный характер, она в “доорфографический” период преимущественно оказывается вне поля зрения ребенка. Вместе с тем последнее соображение можно свидетельствовать в пользу авторского понимания. Пока не освоена абстрактная книжная лексика², существительные среднего рода и 3-го склонения остаются в **языковом сознании ребенка** (в отличие от носителя русского языка) грамматически внесистемными, почему и подвергаются соответствующим трансформациям. А сама общерусская субстантивная система оказывается в речевой практике детей “усеченной”. Судя по данным исследования С.Н. Цейтлин, эта усеченная система имеет не индивидуальный, а возрастной, “общедетский” характер. В то же время (мы снова склоняемся к авторскому пониманию) продолжительность функционирования неполной системы – без ее двух существенных звеньев – у разных детей может быть существенно различной.

Таким образом, с интереснейшим, логически закономерным отражением особенностей общей системы русского языка в речи ребенка мы сталкиваемся практически не только в использовании нормативных средств, но и во всех, рассматриваемых её “аномалиях”.

В профессионально-педагогическом отношении важно, что монография С.Н. Цейтлин позволяет очень четко установить те компоненты грамматической системы и нормы, которые объективно представляют для ребенка определенные трудности. Это дает возможность рационально строить работу над речью детей в дошкольных учреждениях и в домашних условиях.

Е.С. Скобликова

² Роль объема лексического запаса в освоении грамматики – важнейший фактор, который постоянно подчеркивается С.Н. Цейтлин.